

А.В. КИВА

Страны БРИК в мечтах и реальности

История аббревиатуры

БРИК – первые буквы государств – Бразилии, России, Индии и Китая. Впервые эта аббревиатура появилась в докладе, подготовленном одним из крупнейших американских банков Goldman Sachs в 2003 г. Его аналитики сделали прогноз, согласно которому к середине текущего века указанные страны по совокупному ВВП превзойдут шестерку ныне самых богатых стран – США, Японию, Германию, Великобританию, Францию и Италию. Но еще раньше (декабрь 2002 г.) Президент Бразилии Л.И. Лула да Силва заявил, что его страна будет стремиться к поиску новых партнеров среди тех государств, которые по размерам и потенциалу похожи на Бразилию, – таких как Россия, Китай, Индия.

Идея объединения усилий крупных стран, не входящих в “золотой миллиард”, с целью активизации сотрудничества в экономической сфере и оказания адекватного своей экономической мощи влияния на формирование мирового экономического порядка уже носилась в воздухе. А после начала мирового финансово-экономического кризиса она стала еще более актуальной.

Между странами БРИК уже начались неформальные консультации. Так, в июле 2008 г. на острове Хоккайдо состоялся первый саммит стран БРИК (в рамках проходившей в Японии встречи руководителей “большой восьмерки”). В его работе приняли участие Президент России Д. Медведев, Президент КНР Ху Цзиньтао, премьер Индии Манмохан Сингх и Президент Бразилии Л.И. Лула да Силва. Состоялись консультации руководителей БРИК и в ходе встречи “группы двадцати” в Вашингтоне в ноябре 2008 г., посвященной проблеме мирового кризиса. Вопрос о сотрудничестве в рамках стран БРИК поднимался и на многих других встречах высокопоставленных государственных чиновников, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), официального визита президента Медведева в Китай в мае и в Бразилию в ноябре 2008 г.

Однако для нас важно реально оценить, какую роль может играть Россия в БРИК, особенно после окончания мирового кризиса. Уже в ходе мирового кризиса аналитик банка Goldman Sachs Д. О’Нилл, автор термина БРИК, заявил: “Из четырех стран БРИК Россия, Китай и Индия в среднем имеют темпы роста ВВП на 2% выше, чем мы предполагали. Это очень много, и сейчас на страны БРИК приходится 16% мирового ВВП, поэтому развитие предсказанных нами тенденций идет быстрее” (<http://www.k2kapital.com/analytics/reviews/427188.html>). Далее, однако, О’Нилл подчеркивает, что неразвитость инфраструктуры, слабость прав собственности и верховенства закона, а также коррупция

могут свести на нет экономический потенциал России. Чтобы дать хотя бы предварительный ответ на эти вопросы, необходимо, на мой взгляд, сравнить потенциал четырех стран и динамику их развития.

Но прежде о данных трех организаций – Всемирного банка (ВБ), Международного валютного фонда (МВФ) и ЦРУ, отслеживавших ВВП четырех стран в докризисном 2007 г. по паритету покупательной способности (ППС). Поскольку они мало отличаются, ограничусь данными ВБ. Китай – 7 трлн долл., Индия – 3 трлн долл., Бразилия – 1,8 трлн долл. Что касается России, то ее ВВП в том же 2007 г. по данным Минэкономразвития составил в текущих ценах около 33 трлн руб., или 1,25 трлн долл. И есть основания серьезно усомниться в 2 трлн долл. по ППС, как подсчитали эксперты ВБ (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%92%D0%9F>). Если взять за основу подсчета цены в США, то и продукты питания, и одежда, и жилье, и техника, и даже горючее там дешевле, чем в России. Иначе говоря, курс рубля скорее был завышен, чем занижен, что и доказывает его резкое снижение по отношению к доллару и евро в первые же месяцы кризиса. И если в “тучном” 2007 г. по долларовому номиналу Россия занимала 13-е место после Канады (2,6 трлн долл.) и перед Южной Кореей (1,2 трлн долл.), то в ближайшие и наверняка “тощие” для нас годы дай нам бог не то что войти в пятерку ведущих мировых экономик (а такую цель до кризиса провозглашало наше политическое руководство), но и сохранить нынешнее место.

Что же касается Китая, то реальная покупательная способность юаня МВФ, скорее, занижена. Работавший несколько лет в Пекине известный востоковед и писатель В. Овчинников номинальный доллар по ППС умножал на пять. Схожее соотношение цен на многие товары в Китае и странах Запада давали и западные, в частности французские, журналисты, освещавшие ход летних Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. Да и жители Дальнего Востока, часто посещающие приграничные китайские города, говорят о том же. Хотя, разумеется, ППС измеряется не только товарами повседневного спроса.

И вполне логично начать с Китая. Не только потому, что в системе координат БРИК это самая экономически сильная и быстрорастущая страна. Это ключевая для России страна, граница с которой простирается более чем на 4 тыс. км и с которой у нас по-разному складывались отношения как в новые, так и в новейшие времена.

Способность находить асимметричные ответы на общемировые проблемы – сила Китая

В декабре 2008 г. исполнилось 30 лет с начала инициированных Дэн Сяопином китайских реформ. И кажется просто невероятным, что в течение этих 30 лет среднегодовой рост ВВП составляет около 10%, а промышленного производства – более 15%. Китай на исторические вызовы почти всегда отвечает асимметрично. Если Россия и другие бывшие социалистические страны начинали с разрушения государства, дележа созданной предыдущими поколениями собственности и макроэкономики, то Китай – с постепенной трансформации государства, создания нового богатства и микроэкономики. Нигде в мире свободные экономические зоны (открытые, закрытые, научно-технологические, торговые и пр.) не играли такой огромной роли в развитии экономики и научно-технического прогресса, как в Китае. Никому до Дэн Сяопина и в голову не приходило, что можно строить капиталистическую экономику руками самой коммунистической партии, принимая в ее ряды миллионеров и превращая ее одновременно и в инструмент развития страны, и в гробовщика самой коммунистической идеи. Сформулированные Мао Цзэдуном стратегические ориентиры – марксизм-ленинизм, социалистический путь и руководство компартии – были заменены Дэн Сяопином на патриотизм и социально ориентированную рыночную экономику, остался лишь постулат о руководстве компартии, по существу, как государственной структуры. Да и решение статуса бывшей английской колонии Гонконга (ныне Сянган), одного из крупнейших торговых и финансовых центров в Восточной Азии, по принципу “одна страна – две общественные системы” не имеет прецедента, что расширило возможности КНР в получении иностранной валюты и новых технологий.

В итоге уже в годы начавшегося в мире кризиса ВВП Китая в 2008 г. вырос на 9%, составив 30 трлн юаней, или более 4,4 трлн долл. по номиналу, и, соответственно, значительно больше, чем 7 трлн долл., подсчитанных экспертами ВБ по ППС за 2007 г. Это твердое второе место после США, ВВП которых в 2007 г. было чуть меньше 14 трлн долл.

Но особо следует подчеркнуть, что стратегия развития КНР была очень продуманной. Прежде чем ее принять, окружение Дэн Сяопина изучило опыт нэпа, косыгинских реформ, реформ в Венгрии, в “новых индустриальных странах” и даже пригласило в Пекин для консультаций “крестного отца неолиберализма” М. Фридмана. И только после этого выработало собственную оригинальную модель реформ и открытости (внешнему миру). И к вступлению в ВТО, переговоры с которым Пекин вел очень долго и упорно, отстаивая наилучшие для него условия, страна основательно подготовилась. Когда кончился переходный период, Китай сначала завалил мировой рынок дешевой, но качественной одеждой, обувью и мебелью, а потом стал стремительно теснить своих конкурентов с рынка аудио-, видео- и компьютерной техники.

Экспорт продукции высоких технологий уже приносит стране более 300 млрд долл. в год. Внешнеторговый оборот Китая за годы реформ вырос с 20 млрд долл. до 2,56 трлн долларов в 2008 г., увеличившись за этот год на 17,8%. Объем экспорта составил 1,43 трлн долл. (увеличение на 17,2%), импорта – 1,13 трлн долл. (увеличение на 12,5%), имея положительный баланс в размере 295,47 млрд долл. (<http://rosfincom.ru/news/38995.html>).

Немалый интерес представляют и торговые партнеры КНР. Так, в том же 2008 г. товарооборот со странами ЕС составил 425,58 млрд долл. (19,5% роста), с США – 333,74 млрд (10% роста), с Японией – 266,78 млрд (13% роста), с Индией – 51,78 млрд долл. (34% роста). Растет товарооборот и с Россией. В 2008 г. он составил 58,8 млрд долл.: экспорт в Китай – 23,8 млрд долл. и импорт – 33 млрд долл. Не в нашу пользу был торговый баланс с КНР и в 2007 г.: экспорт – 19,6 млрд долл. (12,1% роста), импорт – 28,4 млрд долл. (79,9% роста), соответственно дефицит около 9 млрд долл.

Российские власти считают большим достижением рост товарооборота с Китаем и ставят задачу довести его уже в ближайшие годы до 80 млрд долл. Только проблема в том, что в связи с резким падением цен на сырье отрицательное сальдо будет только увеличиваться, как бы Россия ни наращивала объемы экспорта, поскольку с Китаем она уже поменялась местами: он у нас покупает (не считая военной техники) в основном сырье, а мы у него – готовую продукцию. При том что доля России во внешнеторговом обороте Китая в 2007 г. составила всего лишь 2,22%.

И золотовалютные резервы (ЗВР) КНР увеличиваются с поразительной быстротой. Еще в 2005 г. по этому показателю в мире лидировала Япония, однако в следующем году вперед вышел Китай с 1 трлн долл. В 2007 г. у КНР уже было 1,5 трлн долл., а к концу 2008 г. около 2 трлн долл., что почти в два раза больше, чем у Японии, и больше, чем у остальных стран БРИК вместе взятых.

Пока Китай вынужден мириться с тем, что собственные технологии составляют лишь около 20%, а более 80% – иностранные. Однако китайские власти в рамках поставленной XVII съездом КПК (2007 г.) задачи добиться к 2020 г. четырехкратного роста ВВП (отсчет ведется с начала нового столетия) и создания “экономики знаний” намерены поменять указанную пропорцию местами в пользу собственных технологий. И вполне возможно, что эта задача будет решена, учитывая с какой серьезностью и настойчивостью Пекин относится к развитию человеческого капитала и формированию инновационной экономики. Так, на НИОКР в Китае тратится в год уже около 2% ВВП, что во много раз больше, чем в России и других странах БРИК.

Исключительно большое значение придается подготовке высококвалифицированных кадров и социальному статусу ученых. В КНР они получают примерно в два раза больше, чем в России. За годы реформ из Китая на учебу в страны Запада уехали более 1 млн молодых людей. Возвращаются далеко не все, что, однако, не осуждается китайскими властями. Многие из оставшихся за рубежом становятся там крупными учеными, специалистами, и вот тогда Пекин стремится вернуть их на родину, предоставляя условия не худшие, а в

чем-то даже лучшие, чем они имеют в зарубежных научных центрах. И многие из них действительно возвращаются, в том числе и потому, что, поработав 10–15 лет в развитых странах и достигнув там своего потолка, они получают новые возможности для роста у себя на родине. Немало китайских ученых и специалистов стажировались в высокоразвитых странах. В то же время и крупные западные ученые нередко читают лекции в китайских университетах. Западные аналитики отмечают, что профессора китайских университетов – по большей части выпускники западных университетов. Как это мало похоже на то, что делается для развития науки и инновационной сферы в России!

Руководство КНР сумело создать такие благоприятные условия для иностранных предпринимателей и в целом для жизни иностранцев, что страна получила не только приток капитала на сотни миллиардов долларов, но и новые технологии и современный менеджмент. Крупнейшие мировые корпорации стали создавать в Китае научно-технические центры, которых насчитывается уже около 800.

Есть и некоторые другие сильные стороны Китая, не свойственные другим странам БРИК, на которые указывает Овчинников. Во-первых, это издавна укоренившийся в китайском народе культ учености, представление о том, что только образование способно повысить положение человека в обществе, то есть служить каналом социальной мобильности. И во-вторых, это сформировавшийся еще во времена феодализма принцип подбора государственных служащих на основе открытых конкурсных экзаменов, то есть принцип меритократии [Овчинников, 2008]. Противоположный подход – ставка на лояльных, на “своих”, так свойственный советским и постсоветским руководителям, – напротив, глушит конкуренцию, ведет к ухудшению качества бюрократии и снижению национальной конкурентоспособности.

Ставя во главу угла быстрое развитие страны, Китай в то же время тихо (и не без помощи России, от которой получает больше современного оружия, чем имеет российская армия!) создает мощный военный потенциал. Его вооруженные силы отличаются высокой боевой подготовкой и железной дисциплиной и в два раза больше наших. Китай уже стал космической державой, имеет как стратегические ракеты, так и противоракеты, а недавно стал производить и современный военный самолет, который, как говорят специалисты, сильно похож на наш “Сухой-27”. Кстати, пока мы в течение уже нескольких лет никак не можем запустить в серийное производство среднемагистральный гражданский самолет “Сухой суперджет-100”, являющийся на деле сборочным продуктом компаний многих стран, Китай уже заключает контракты с целым рядом зарубежных авиаперевозчиков на поставку им своего среднемагистрального гражданского самолета, который, конечно же, будет намного дешевле российского.

Индия быстро наращивает темпы роста и находит свою нишу в мировой экономике

Е. Ясин, говоря о якобы уже predetermined месте стран БРИК в мировой экономике, назвал Китай мастерской мира, Индию – бюро добрых услуг, Бразилию – мировой фермой, а России отвел роль поставщика энергоносителей, грубо говоря, “мировой кочегарки”. Но не ошибается ли Ясин в отношении Индии? В последние годы она набрала высокие и довольно устойчивые темпы роста – на уровне 8–9% в год. По объему ВВП в пересчете на ППС, как говорилось выше, она в 2007 г. заняла четвертое место, уступив лишь США, КНР и Японии. При этом добилась крупных успехов в таких принципиально важных областях, как обрабатывающая промышленность, электроэнергетика, машиностроение, в том числе автомобилестроение (более 10 млн единиц в год, включая не только автомашины, но и автобусы, тракторы, трехколесные передвижные средства, мотоциклы и мотороллеры). Сюда же надо отнести химическую промышленность, фармацевтику, биотехнологии.

В последние годы, особо подчеркну, чрезвычайно быстрыми темпами развиваются информационные технологии (ИТ) и аутсорсинг (передача сторонней организации решений тех или иных задач или бизнес-процессов). Прежде всего это аутсорсинг не бытовой (уборка территории, организация питания, управление транспортом, эксплуатация инженерных сетей, бухгалтерское обслуживание и пр.), а высокотехнологичный (разработка, внедрение,

эксплуатация, совершенствование работы информационно-технологических систем и пр. в тех или иных компаниях).

Как заявил в интервью “Российской газете” Канвал Сибал (в то время посол Индии в Москве), “вероятно, Индия станет мировым центром привлечения иностранных фирм для обработки знаний, так как этот бизнес требует специализированных знаний в соответствующих областях. В этом году сектор информационных технологий и предоставляемых услуг по информационным технологиям должен составить около 48 млрд долл. США. Эта промышленность ежегодно растет на 28%”. Индия располагает огромной армией ученых и в этом уступает только США. Как говорил Сибал, “ежегодно мы даем образование приблизительно 2,5 млн выпускников в области информационных технологий, техники, науки о жизни, обучаем 650 тыс. аспирантов и выпускаем около 1500 кандидатов биологических и технических наук” (Российская газета, 2007, 15 августа).

Как и для Китая, для Индии западные страны, и прежде всего США, являются и “кузницей кадров”, и источником получения новой техники и новых технологий. Многие индийские студенты обучаются в лучших западных университетах. Оставшиеся там выпускники нередко становятся крупными специалистами. Часть из них создают на исторической родине инновационные фирмы, другая часть возвращается домой и, используя полученные знания и опыт, занимают достойные (и, кстати, хорошо оплачиваемые!) места в высокотехнологичных отраслях. По некоторым прогнозам, лет через 10 стоимость продукции высоких технологий будет составлять около 30% индийского ВВП.

Бразилия уже не может стать мировой фермой

У нас, на мой взгляд, сложилось неверное представление о Бразилии. В советские времена Бразилия ассоциировалась с футболом, карнавалами и растворимым кофе. А между тем, пока мы занимались не имеющими аналога в мире реформами, отбросившими Россию по экономическому и научно-техническому потенциалу на несколько десятков лет назад, Бразилия совершила впечатляющий рывок в своем развитии. Это уже страна с преимущественно городским населением (более 75%), с довольно развитой промышленностью и отраслями высоких технологий. Она, в частности, добилась успеха в создании авиакосмической промышленности, ядерных реакторов собственной конструкции, выпускает автомашины, самолеты, строит крупнотоннажные суда, интенсивно развиваются горнодобывающая промышленность и особенно аграрный сектор. Бразилия уже давно производит среднемагистральный самолет “Эмбрайер” и экспортирует его во многие страны мира, совершенствуется и военная промышленность.

О многом говорит сама структура экономики. В 2007 г. на долю промышленности приходилось 38,6% ВВП, сферы услуг – 51,3%, а сельского хозяйства – только 10,1%, хотя страна и экспортирует его продукцию в больших объемах. Да и в структуре бразильского экспорта более 50% составляют изделия обрабатывающих отраслей, в то время как российский экспорт на 80–90% состоит из сырья и продукции первичной переработки.

По темпам роста (в среднем 3,5–4,5% в год) Бразилия уступала Индии и особенно Китаю. Однако у Бразилии более структурированная экономика, выше общая грамотность и уровень жизни граждан, хотя и менее развита наука.

Россия как слабое звено стран БРИК

Ученые, крупные специалисты уже давно предупреждали власти о неверной траектории социально-экономического развития России, а многие – и о серьезных изъянах политической системы, не имеющей обратной связи и никак не реагирующей на доводы науки. Как выразился Н. Кричевский, “все “тучные” годы правительство жило по собственному распорядку, главной особенностью которого являлось игнорирование любых мало-мальски дельных предложений” [Кричевский, 2008].

Не только ученые, но и многие губернаторы видели ущербность политики Центра и открыто об этом говорили. Так, губернатор Омской области Л. Полежаев с горечью констатировал, что у нас “нет не только экономической политики, определяющей вектор

развития производительных сил на востоке России. По большому счету нет перспективной комплексной программы ни для Центра, ни для Юга страны, ни для государства в целом". И как результат такой политики, "начиная с 1990-х Сибирь покинули 5 млн человек и отток коренного населения продолжается" [Полежаев, 2006, с. 12]. Сходным образом о политике Центра высказывался и губернатор Хабаровского края В. Ишаев.

Но вернемся к ученым. Нынешний директор Института экономики РАН (а тогда директор Института экономических и политических исследований РАН) член-корреспондент РАН Р. Гринберг задолго до кризиса высказывал беспокойство по поводу отсутствия диверсификации экономики, дезинтеллектуализации и примитивизации производства. При этом он подчеркивал, что нигде в мире – ни в развитых капиталистических, ни в постсоциалистических странах без государственной поддержки диверсификация экономики не происходит. Он же предупреждал, что времени осталось мало, буквально несколько лет, для того, чтобы спасти то, что еще можно спасти от окончательного разрушения в промышленной и научно-технической сфере (Свободная мысль, 2004, № 4).

Примерно годом позже академик, ныне директор Института океанологии РАН Р. Нигматулин указывал на чрезвычайно опасную тенденцию дезиндустриализации России и предлагал меры по ее устранению. Академик РАН Т. Заславская подчеркивала, что для страны "самая опасная ситуация связана с нефтью. Цены абсолютно неестественные. Они не могут долго сохраняться такими". И она сделала вывод, к которому власть должна была бы прислушаться: "Система, которая сейчас сформировалась, относительно стабильна, но обладает слишком малым потенциалом... В ней накапливаются центробежные силы. Ученые опасаются, что что-то произойдет" [Заславская, 2006, с. 11].

Это, по существу, и произошло. Ни в Китае, ни в Индии, ни в Бразилии, ни даже в Америке, где кризис начался в конце 2006 г., не было таких лавинообразных потерь, как в России, уже в самом начале кризиса. Началось с обвала фондового рынка, потом, по данным на февраль 2009 г., произошло снижение ВВП на 8,8%, промышленного производства на 16%, увеличение безработицы с 4 до 6 млн человек, сокращение зарплат по сравнению с декабрем 2008 г. на 25%. А еще на 42% оказался необеспеченным уже принятый госбюджет на 2009 г. И начались секвестры тех статей бюджета, которые правительство не относит к числу приоритетных (в отличие от нефтегазового комплекса, правительственных банков и даже строительства горно-лыжного курорта в Сочи в рамках создания инфраструктуры для зимней Олимпиады 2014 г. и обустройства острова Русский в связи с проведением саммита АТЭС в 2012 г.). И как всегда, в пасынках оказываются наука и высокие технологии.

Почему из всех стран БРИК Россия несет в кризисе наибольшие потери? Во-первых, изначально ошибочен был курс на сырьевую ориентацию экономики страны. Еще ни одна крупная страна с сырьевой экономикой не стала ни развитой, ни процветающей. По подсчетам директора Института экономических стратегий члена-корреспондента РАН Б. Кузика, в 2008 г. мировой рынок высоких технологий оценивался в 3 трлн долл., в то время как рынок энергетических ресурсов – в 700 млрд долл. Согласно прогнозу, к 2020 г. рынок высокотехнологичной продукции составит 10–12 трлн долл., а энергетических ресурсов – 1 трлн 200 млрд долл. По его же подсчету, на мировых рынках высоких технологий доля России составляет 0,2–0,3%, что и неудивительно, ибо наша страна тратит на науку в 7 раз меньше Японии и в 17 раз меньше США (<http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=142ca20d-59aa-4228-b641-dba8ef89e94>). В принципе такая великая страна, как Россия, не может только по одним геополитическим соображениям, а также с учетом убывающего населения нормально развиваться, не имея развитой промышленности, высоких технологий и большой науки. Рано или поздно она потеряет обороноспособность, а затем и свою идентичность.

Во-вторых, страшным ударом по экономике, инфраструктуре и стране в целом (причем труднообъяснимым с точки зрения не только национальных интересов, но и здравого смысла) стал вывод самим государством нефтедолларов в страны Запада под ничтожно низкий процент, в то время как в самой России ощущался острейший инвестиционный и финансовый голод. Подобной практики не было нигде. И если, скажем, Пекин из своих огромных валютных резервов 1 трлн долл. держал в государственных ценных бумагах

США, то только потому, что инвестиции в китайскую экономику составляют около 40% ВВП, и власти боялись перегрева экономики и стремились несколько сдержать ее рост, превышавший, как уже отмечалось, 10% в год.

В-третьих, за годы высоких цен на энергоносители Россия получила, по подсчетам бывшего федерального министра и руководителя аппарата Правительства РФ К. Мерзликина, около 1,5 трлн долл. Но при этом не было создано ни одного крупного современного производства, ни одной известной миру технологии, не произошло принципиальных изменений в аграрном секторе. Россия стала импортировать 40% продовольствия и 90% лекарств, не сумев себя обеспечить даже одеждой, обувью, простейшими машинами и оборудованием, бытовой техникой.

В-четвертых, власти не пускали в экономику страны нефтедоллары, объясняя это необходимостью иметь солидные резервы на “черный день”. Но они смотрели сквозь пальцы на то, что государственные, полугосударственные и частные крупные компании, действующие в стратегически важных отраслях, набрали внешних долгов на сумму около 570 млрд долл., что лишь чуть меньше всех наших валютных резервов. И когда наступил этот “черный день”, страна оказалась в трудном положении. Банкротить должников правительство не хочет и им в первую очередь оказывает помощь из валютных резервов, а реальному сектору экономики достается по остаточному принципу. Президент Д. Медведев и его сторонники заявляют, что за годы кризиса нельзя потерять промышленность и инновационный сектор, напротив, даже в трудных финансовых условиях надо работать на интересы создания новой экономики, но по-прежнему первостепенное внимание уделяется сырьевым отраслям.

Тяжелейшей проблемой для России является и демографическая ситуация, и этим наша страна тоже отличается от других стран БРИК. Если нынешняя тенденция неуклонного сокращения населения сохранится, то это не позволит России ни вести расширенное воспроизводство в посленефтяную эпоху, ни иметь достаточного интеллектуального потенциала для создания и функционирования инновационной экономики, ни поддерживать на высоком уровне обороноспособность страны.

Сделаем некоторые сопоставления на основе динамики роста населения в странах БРИК, взяв доступные данные примерно за 20 лет. В 1986 г. в Бразилии проживали 138,5 млн человек, а в 2006 г. – 188 млн; в Китае в том же 1986 г. – 1 млрд, а в 2007 г. – 1,3 млрд; в Индии в 1986 г. – 766 млн, а в 2007 г. – 1,126 млрд человек; в России в 1987 г. – 145,3 млн человек, а в 2007 г. – 142 млн, притом с учетом 6–8 млн репатриантов.

С большой степенью условности можно предположить, что к 2050 г. население Индии достигнет 1,8–2 млрд человек; Китая – 1,5–1,7 млрд, Бразилии – 250–300 млн. Что же касается России, то разные эксперты называют разные цифры. Некоторые аналитические центры считают, что население страны сократится до 130–120 млн к 2020 г. и до 86–70 млн человек к 2050 г. Согласно прогнозу российских демографов, уже к 2025 г. трудоспособное население страны сократится на 17 млн человек, а количество пенсионеров увеличится на 9 млн человек. Кроме того, в результате непрекращающейся “утечки мозгов”, алкоголизации и социальной деградации широких слоев населения, а также разлагающего воздействия на общественную нравственность телевидения резко падает моральный и интеллектуальный уровень населения.

Кризис как момент истины

Страна, как и человек, проявляет свои сильные и слабые стороны в момент испытаний. Мировой кризис и стал таким испытанием. Из всех стран БРИК Россия, как было отмечено, оказалась наиболее уязвимой. Ее быстрый экономический рост по преимуществу был ростом ВВП за счет высоких и сверхвысоких цен на энергоносители на мировых рынках, добыча которых в основном велась на скважинах, обустроенных еще в советские времена. Причем физический рост объемов газа был минимальным, а добыча нефти сначала существенно выросла, а потом стала снижаться.

Китай мировой кризис, безусловно, задел, ибо сократился его экспорт в страны Запада, и прежде всего в США, что сказалось на недогрузке предприятий, работающих на экспорт, и привело к потере рабочих мест. Вместе с тем Пекин умело стремится исполь-

зовать мировой кризис в свою пользу. С одной стороны, в январе 2009 г. экспорт Китая упал на 17,5% по сравнению с январем 2008 г., а импорт и того больше – на 43,1%. Но с другой стороны, положительное торговое saldo за январь 2009 г. составило 39,1 млрд долл. (<http://fincrisis.ru/2009/02/16/kitajj-skupaet-mir-po-deshevke.html>).

Это результат того, что резко подешевели сырьевые товары (некоторые в 4–5 раз), которые ввозит Китай. Не меньшим удивлением для мировых аналитиков стало то, что в феврале 2009 г. в Китае было произведено на 850 тыс. автомашин больше, чем в США (http://www.rian.ru/_news/20090310/164325540/html).

В годы мирового кризиса Пекин действует сразу в нескольких направлениях. Во-первых, выделяет огромные средства на развитие инфраструктуры и внутреннего рынка (чего не делает и, похоже, не намерено делать в широких масштабах правительство России): 300 млрд долл. – для развития железнодорожной сети, 100 млрд долл. – на строительство автомобильных дорог (по протяженности современных автострад Китай уступает только США). Крупные средства выделяются также для сельской местности и отстающих регионов на западе и севере страны.

Во-вторых, пользуясь финансовыми трудностями многих сырьевых компаний, Пекин скупает их активы, причем в разных странах. То, что он вкладывает средства в месторождения нефти в африканских и других странах, известно давно. В период кризиса Aluminum Corporation of China за 19,5 млрд долл. купила 18% сильно подешевевших акций британско-австралийского производителя руды Rio Tinto. Вкладываются средства в месторождения газа в Туркмении и Судане, в месторождения цветных металлов и пр. (<http://fincrisis.ru/2009/02/16/kitajj-skupaet-mir-po-deshevke.html>). В-третьих, пользуясь дешевизной сырья, Китай создает его запасы. В частности, сообщалось, что он заполнил свои хранилища резко подешевевшей нефтью.

Темпы роста ВВП в первом квартале в 2009 г. составили 6,3%, а во втором квартале ожидается их повышение до 6,6% (Ведомости, 2009, 16 февраля). Крупные финансисты и серьезные аналитики на Западе считают, что именно Китай может вывести мировую экономику из кризиса, в том числе помочь и США, с одной стороны, сохранением своих валютных резервов в американских казначейских бумагах, а с другой – по словам директора-распорядителя МВФ Д. Стросс-Кана, путем “ликвидации колоссального дисбаланса в торговле между Китаем и США” (Прайм-ТАСС, 2009, 10 марта).

Китай в условиях мирового кризиса поистине становится ключевой фигурой в глобальной экономике. В интервью Die Welt финансовый магнат Дж. Сорос предрек ослабление экономики США и возвышение Китая: “В то время как у нас накапливались долги, они (китайцы) сэкономили и копили богатство. Китайцам через какое-то время будет принадлежать большая часть мира, поскольку они переведут свои долларовые резервы и вклады в США в реальные активы. Это изменит расстановку сил. Сдвиг власти в сторону Азии произойдет в результате совершенных Америкой за последние 25 лет грехов” (Die Welt, 2008, 14 октября).

З. Бжезинский считает, что “у Китая и США есть экстраординарный потенциал для очертания будущего всего мира” (Financial Times, 2009, 13 января). Причем идея создания G2 (“большая двойка”) обосновывается Бжезинским с не меньшей убедительностью, чем российскими авторами – о долговременном характере российско-китайского стратегического партнерства. Симптоматично, что госсекретарь США Х. Клинтон свою первую зарубежную поездку совершила не в Европу, как это делали до нее главы американского внешнеполитического ведомства, а в страны Азии, включая Китай.

Индию мировой кризис, разумеется, не обошел стороной, но и не сказался так негативно, как на России. Потери понесли фондовый рынок, банковская система, уменьшились приток капитала в страну, объем экспорта, сократились валютные резервы, подешевела по отношению к доллару и евро рупия, выросла инфляция. Реальный же сектор экономики сильно не пострадал, хотя и несколько сократилось промышленное производство, произошел спад продаж легковых автомобилей, и т.д.

Дело в том, что Индия не так зависит от экспорта, как многие другие страны. Большой объем в ее экспорте составляют сельскохозяйственная продукция и продукция ин-

формационных технологий, в частности программное обеспечение. И то и другое требуется мировому рынку и в годы кризиса и не теряют в цене так резко, как минеральное сырье. Сложнее обстоит дело с экспортом электротехнической, химической продукции и продукции машиностроения. Только первый удар по индийской экономике нанес не мировой кризис, а чрезвычайно высокие цены на нефть. Индия – один из крупнейших после США и Китая потребитель энергоресурсов, поэтому она не только терпит убытки от кризиса, но и, как и Китай, выигрывает от него, закупая углеводороды по низкой цене.

Правительство Индии концентрирует усилия на развитии внутреннего рынка, покупательной способности граждан, инициируя крупные инфраструктурные проекты, в том числе в сельской местности, в области дорожного строительства и строительства жилья. И в то же время расширяет свои торгово-экономические отношения с азиатскими странами, особенно с Китаем. Следует подчеркнуть: какое бы правительство ни было у власти в Дели, оно, как правило, проводило грамотную экономическую, финансовую и социальную политику; страна не знала ни обвальной грошовой приватизации предприятий госсектора, сильно разросшегося в годы правления И. Ганди, ни галопирующей инфляции, ни “финансовых пирамид”, как это имело место в России. Прогнозируется, что в 2009 г. ВВП Индии вырастет на 5,5%.

Бразилия тоже пока не понесла большой урон от мирового кризиса. В первые его месяцы, пустив реал в “свободное плавание” (с августа 2008 г. по февраль 2009 г. он ослабел по отношению к доллару на 48%), страна увеличила свои валютные резервы (до 207,5 млрд долл.). В отличие от Китая и Индии, Бразилия в основном обеспечена собственным минеральным сырьем, а в отличие от России – она не импортирует, а экспортирует продовольствие, причем в крупных объемах. Несмотря на падение курса реала по отношению к доллару, инфляция на начало 2009 г. оценивалась примерно в 6%. И в то же время было бы неверным считать, что кризис обошел Бразилию стороной, хотя бы потому что основным ее торговым партнером являются США. Так, значительно снизилось промышленное производство, особенно производство товаров длительного пользования.

По прогнозам Центрального банка Бразилии, рост ВВП в 2009 г. должен составить 3,2%. МВФ, однако, считает, что он не превысит 1,5–2%. Но это все же рост, а не падение, как в России.

Место России в странах БРИК

Какие бы новые альянсы ни создавались, они так или иначе будут в сфере притяжения основных мировых центров силы. Это США, Евросоюз и Китай, быстро набирающий экономическую мощь, но пока сильно отстающий от стран Запада и Японии в научно-технической области. Индия как огромная и потенциально богатая экономическими, людскими и интеллектуальными ресурсами страна объективно может иметь равные и взаимовыгодные отношения со всеми центрами силы. Соответственно, России необходимо с этим считаться и реально оценивать свои возможности и свое место как в этой конфигурации, так и в странах БРИК.

Что связывает Россию с Бразилией? Практически только торговые отношения. По итогам 2007 г. доля Бразилии в торговле с Россией составила 0,9% (против 14% с США): 2,1% по экспорту и 0,3% по импорту. Таким образом, Россия имела отрицательное сальдо в размере чуть более 2,9 млрд долл. Для Бразилии наша страна стала обширным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции (говядина, свинина, мясо птицы и пр.), а мы ей поставляем удобрения, составившие в 2007 г. 91% всего экспорта. Бразилия, однако, многими нитями связана с США, и она в большей степени заинтересована стать лидером стран Южного полушария, чем занимать скромное положение в альянсе БРИК. В то же время у Индии и Китая более высокий уровень торгово-экономических и научно-технических отношений с Бразилией.

Некогда широкие торгово-экономические связи нашей страны с Индией после распада СССР резко пошли по нисходящей. Так, в 2004 г. товарооборот составил всего 1,7 млрд долл. Выручало лишь сотрудничество в военной сфере. Да и то благодаря тому, что, отказавшись подписать принятый в 1968 г. ООН Договор о нераспространении ядерного

оружия, Индия лишилась возможности широкого военно-технического сотрудничества с западными странами, и прежде всего с США. Но в августе 2008 г. МАГАТЭ сняла все претензии к Индии, а в октябре Конгресс США одобрил американо-индийское соглашение о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергетики. Вскоре Индия закупила у США 6 военно-транспортных самолетов на сумму около 1 млрд долл. Таким образом, монопольное положение России в качестве поставщика Индии военной техники серьезно пошатнулось.

В ходе визита Президента России Медведева в Индию в декабре 2008 г. было подписано 10 соглашений о сотрудничестве в космической, военно-технической, ядерной и некоторых других областях. Однако в области ядерной энергетики нас ждет жесткая конкуренция с французами, американцами, канадцами, а возможно, и японцами, которые вырвались вперед в строительстве АЭС небольшой мощности.

Согласно индийским данным, товарооборот Индии с Россией в 2007 г. составил примерно 3 млрд долл., в то время как с США и КНР – по 20 млрд долл. с каждой (India Today, 2008, 18 февраля). По некоторым данным, он вырос до 5,3 млрд долл. (<http://www.narodinfo.ru/news/print/57881.html>). Возможно, индийская сторона не включала сюда расходы на вооружение. В принципе есть широкие возможности для существенного увеличения взаимовыгодного товарооборота между Индией и Россией для совместных разработок новой техники, но пока на рынке индийского машиностроения доля России составляет 0,7%, доля США в 25 раз больше, а Германии и Великобритании – в 7,5 раз. Надеяться на какие-то особые отношения между Россией и Индией не приходится, ибо ее национально-государственные интересы диктуют многовекторную политику.

Из всех стран БРИК ключевой страной для нас, безусловно, является Китай. Многих беспокоит, как будет вести себя Китай, когда действительно станет второй в мире сверхдержавой. На этот счет есть две точки зрения. Одна – алармистская. Ее суть в том, что тающий людской, промышленный, научно-технический потенциал и устаревающий, созданный в основном еще в советские времена арсенал ракетно-ядерных сил сделает Россию объектом китайской экспансии.

Сторонники этой точки зрения ссылаются на перенаселенность Китая (0,1 га пригодной для обработки земли на человека) и на наши пустующие территории на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, которые некогда принадлежали Китаю, но по Айгунскому договору 1858 г. отошли к России. В годы правления Мао Цзэдуна этот договор был объявлен как навязанный Китаю царской Россией в тяжелый для него период опиумных войн. Дэн Сяопин в ходе беседы с Президентом СССР М. Горбачевым весной 1989 г. напомнил ему о “территориальном должке”, но затем заявил, что руководством Китая этот вопрос снят. Потом, как известно, граница с Китаем была окончательно определена, и руководство КНР официально заявило, что территориальных претензий у него к России нет.

Другая точка зрения состоит в том, что КНР объективно заинтересована в стабильных, долговременных и дружеских отношениях с Россией, так как она – противник гегемонистских устремлений США и Запада, выступает за многополюсный мир. У Китая много проблем с соседями – с Японией, Индией, есть тайваньская проблема и целый ряд внутренних проблем, включая сепаратизм в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Китай форсирует реформы и стремится к установлению добрососедских отношений со всеми странами, дабы не отвлекаться от главного. Наконец, Китай заинтересован в России как источнике сырья и рынке сбыта готовых изделий.

Соглашаться или опровергать ту или иную точку зрения не имеет смысла. Ныне в Китае правит четвертое поколение руководителей, и они действительно занимают дружественную позицию по отношению к России. Что будет при шестом, восьмом или десятом поколении руководителей, предусмотреть невозможно. Ведь даже лидер первого поколения руководителей тогда отсталого и нищего Китая Мао Цзэдун претендовал на лидерство в международном коммунистическом движении. Поэтому, на мой взгляд, необходимо рассчитывать не столько на благорасположение могучего соседа, сколько на самих себя.

Во-первых, практически безальтернативной является линия на развитие добрососедских отношений и выгодного не только Китаю, но и России торгового, экономического и научно-технического сотрудничества. Надо в той или иной форме задействовать людской и финансовый потенциал Китая для освоения районов Дальнего Востока и Сибири. Одной России с этой задачей не справиться. С ней, кстати, не справился и СССР. Пустующие земли, безлюдье, развалившиеся промышленность и инфраструктура – аргумент в пользу тех, кто считают, что в своем продвижении на восток Россия захватила больше земель, чем может освоить.

Во-вторых, правящий класс России, наконец, должен осознать очевидное. Лениво-чванливое “сидение на трубе”, расточительность, увлечение престижными проектами и фактическое неразвитие страны плюс уродливая социальная политика, фабрикающая миллиардеров и консервирующая массовую нищету, могут плохо кончиться для страны. В период кризиса обозначились две тенденции выхода из него. Одну представляют сырьевики и их мощное лобби во всех ветвях власти, прежде всего в правительстве и СМИ. Они с нетерпением ждут, когда кончится кризис в США и ЕС и вновь поднимутся цены на энергоносители, чтобы опять вернуться к бесхлопотному, но прибыльному “сидению на трубе”.

Другую тенденцию представляют президент Медведев и его сторонники, считающие, что из кризиса надо выйти с другой экономикой. Разработкой модели новой экономики, как известно, занимается Институт современного развития во главе с И. Юргенсом, к разработке такой модели по указанию Медведева подключена и РАН. Проблема создания новой экономики обсуждалась, в частности, и на научной сессии Общего собрания РАН в декабре 2008 г., в ходе которой ведущими российскими учеными было предложено много ценных идей. Так, о закономерностях перехода от сырьевой к инновационной экономике высказывался и академик РАН, член Европейской академии В. Полтерович (Наука и технологии России, 2008, 11 сентября). Стоит напомнить, что это он предложил Горбачеву модель реформ, в чем-то сходную с запущенной Дэн Сяопином, но в тех условиях заведомо обреченной на отторжение в СССР.

Таким образом, российская наука предлагает работающую модель новой экономики. Будет ли она реализована, зависит не столько от политической воли правящего класса, сколько от его интересов. Слишком разлагающим фактором стала “манна небесная” в виде текущих в страну нефтедолларов.

В-третьих, россияне имеют замеченную еще Н. Бердяевым склонность действовать по принципу “либо-либо”. Но в реальной жизни чаще всего требуется действовать по принципу “и то и другое”. Развивать добрососедские отношения с Китаем, безусловно, необходимо. Но и портить отношения с США, сваливая на них даже причину нашего кризиса, недальновидно. Нельзя забывать, что с Америкой мы еще никогда не воевали, напротив, в двух мировых войнах были союзниками, а сиюминутная потребность властей сплотить глубоко расколотое общество не должна наносить удар по нашим долговременным стратегическим интересам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Заславская Т.* Где границы свободы? // Аргументы и факты. 2006. № 14.
Кричевский Н. Тучи над правительством // Московский комсомолец. 2008. 26 ноября.
Овчинников В. Новая цель Китая – создать “экономику знаний” // Российская газета. 2008. 30 октября.
Полежаев Л. На наш век хватит... // Литературная газета. 2006. № 34–35.